УДК 94(47+57)

ББК 63.3(5)

DOI 10.31554/2222-9175-2021-44-61-68

В. Ю. Башкуев

МИССИЯ С. А. НАЦОВА В СИНЬЦЗЯНЕ (1923 г.).
Ч. II: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ В ДОКЛАДЕ
«СИНЬЦЗЯНСКАЯ ПРОВИНЦИЯ ИЛИ ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ»

Продолжается изучение материалов разведывательной миссии бурятского коминтерновца С. А. Нацова в Синьцзяне осенью и зимой 1923 г. Внимание сконцентрировано на докладе «Синьцзянская провинция или Западный Китай», рассматривающем основные характеристики этнических групп провинции, особенности социального, экономического и военного положения Синьцзяна в 1920-х гг. и состояние национального вопроса в регионе. Доклад был представлен С. А. Нацовым в отдел Востока исполкома Коминтерна в апреле 1924 г.

Ключевые слова: кашгарлыки, таранчи, киргизы, монголы, Синьцзян, национально-освободительное движение, национальный вопрос, подпольные организации, Коминтерн.

V. Yu. Bashkuev

THE XINJIANG MISSION OF S. A. NATSOV (1923).
PART 2: SYSTEMATIZATION OF THE RESULTS
IN THE REPORT “THE XINJIANG PROVINCE OR WEST CHINA”

This article continues the study of the materials of the reconnaissance mission of the Buryat Comintern worker S. A. Natsov to Xinjiang in the autumn and winter of 1923. The attention is concentrated on the report “Xinjiang Province or Western China,” which examines the main characteristics of the province’s ethnic groups, features of social, economic, and military situation in Xinjiang in the 1920s and the national question in the region. The report was submitted by S. A. Natsov to the Department of the East of the Comintern Executive Committee in April 1924.

Keywords: Kashgarlyks, Taranchis, Kirghiz, Mongols, Xinjiang, national-liberation movement, national question, underground organizations, Comintern.

10 апреля 1924 г. С. А. Нацов направил в отдел Востока исполкома Коминтерна (ИККИ) подробный доклад (на 53 печатных листах) о политическом и экономическом положении Западного Китая, озаглавленный «Синьцзянская провинция или Западный Китай». Этот документ содержал наблюдения и основные результаты исследований Нацова во время его синьцзянской миссии осенью – зимой 1923 г. Доклад предваряло письменное обращение в ИККИ, сочетавшее пояснительную записку и просьбу санкционировать созыв нелегального съезда национально-революционных групп провинции для оформления в единую подпольную организацию [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 48. Л. 1]. Таким образом, весной 1924 г. С. А. Нацов готовился к практическому использованию своего синьцзянского опыта в духе раннекоминтерновской повестки – не откладывая дел в «долгий ящик», максимально форсировать революционное движение в Западном Китае.

Этнографические характеристики народов Синьцзяна

Доклад открывается подробным описанием этнических групп, составляющих население провинции Синьцзян. Этнографический нарратив Нацова сочетает как обще-

БАШКУЕВ Всеволод Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: seva91@yahoo.com.

известные сведения, например исторические справки о религиозных конфессиях синьцзянцев (конфуцианство, даосизм, буддизм, ислам), так и замечания самого автора. Так, описывая китайцев Синьцзяна, он выделяет из общей массы тяньцзинцев, предприимчивых и нацеленных на успех людей, составлявших торговое сословие; выходцев из провинций Хубэй и Хунань, славившихся своей грамотностью, среди которых было много служащих, писарей и военных; сычуаньцев, склонных к врачеванию и содержавших синьцзянские аптеки. Среди тяньцзинцев, а также уроженцев Хубэя и Хунаня было много приверженцев секты «цзай ши», не пивших вина и не употреблявших опиума. Остальные китайцы, по словам Нацова, были сильно подвержены азартным играм и опекурению, а в жизни отличались алчностью и страстью к наживе. Нацов характеризовал численность китайцев в Синьцзяне как ничтожную – не более 10 % всего населения провинции [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 48. Л. 4–6].

Основная часть населения Синьцзяна называлась в то время кашгарлыками. Название это не было этнонимом, а обозначало географическую принадлежность (кашгарлык – житель города Кашгара, кашгарец; кокандлык – житель города Коканда; лоблык – житель региона у озера Лобнор). Этноним «уйгур» был предложен советским тюркологом С. Е. Маловым в 1921 г. Обозначение это являлось весьма условным: с историческими раннесредневековыми уйгурами у кашгарлыков было мало общего. Однако этноним прижился и вошел в международный оборот. В докладе Нацов отмечал, что жизнь в оазисах, отделенных друг от друга огромными пространствами пустыни, определила отсутствие этнического единства среди оседлых тюрок Синьцзяна. Однако основным фактором разобщенности было китайское владычество. «Жестокая действительность китайского режима, – писал он, – выработала из них по характеру очень миролюбивых и по свойствам весьма трудолюбивых себе рабов, так как они, несмотря на свой превышающий среди других народностей провинции количественный состав, всегда оказывались легкой добычей для своих завоевателей» [Там же. Л. 7].

Нацов считал, что кашгарлыки и жители советской Средней Азии (сарты) исторически являлись единым народом, имевшим какое-то общее, теперь утраченное название. Акцентируя их этническую близость населению Средней Азии, Сирен Арабданович привлекал внимание руководства Коминтерна к уйгурскому вопросу. Описывая одежду и внешний вид кашгарлыков, он обращал внимание на неопрятность нижней рубахи, носившейся до истления, и на уродливость женской мусульманской одежды. Многоженство он считал результатом не столько религиозных убеждений (ислам суннитского толка), сколько малого, по сравнению с монголами или киргизами, размера калыма. «Женщина считается во всех отношениях существом низшим, находящимся в полном подчинении у своего мужа, – писал он, – женщины даже едят отдельно от мужчин, довольствуясь остатками их пищи» [Там же. Л. 8–9].

Как истый ленинец, Нацов считал ислам тормозом культурного и интеллектуального развития всех мусульман Синьцзяна – кашгарлыков, дунган, киргизов, таранчей, таджиков, долонов и татар. Он отмечал: «Охватывая все стороны жизни своих последователей, тем исключая всякую попытку к критике окружающих явлений и убивая любознательность, ислам оказал пагубное влияние на все тюрко-мусульманские племена, остановив их развитие, и создал в их среде умственный застой» [Там же. Л. 8]. Кашгарлыков он считал «наиболее ярыми мусульманами» и отмечал, что вся их жизнь строго регламентирована шариатом [Там же. Л. 9]. Впечатление, сложившееся у Нацова, отличалось от мнения других наблюдателей. Например, проведший в Синьцзяне детство и юность В. И. Петров считал, что уйгуры, а особенно уйгурки, отличались веселым нравом, любили яркую одежду, развлечения, ценили красоту. Полной противоположностью им он считал дунган – суровых последователей ислама, живших строго по шариату [2003: 43, 132].

Другой крупный народ Синьцзяна – дунган Нацов считал потомками китайских военных поселенцев, хотя приводил и другие версии их происхождения: от уроженцев Бухары и Самарканда, насильно переселенных монголами в пределы Китая после разгрома Согдианы Чингисханом, до окитаившихся потомков Александра Македонского.

Отмечая строгое следование Корану, он выделял относительную свободу дунганских женщин, не покрывавших лицо паранджой. В быту дунгане почти не отличались от китайцев, за исключением строжайших табу на алкоголь, опиум и свинину. Однако по характеру они отличались от всех других жителей Синьцзяна храбростью, вспыльчивостью и мстительностью. Несмотря на языковую и культурную общность, между дунганами и китайцами сохранялась непримиримая вражда и глубокая взаимная ненависть [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 48. Л. 11]. Именно дунгане являлись катализатором мощных антикитайских восстаний XX столетия, одно из которых (1931–1934 гг.) было подавлено с помощью переодетых белогвардейцами подразделений ОГПУ.

Таранчей, потомков переселенных маньчжурами в 1759 г. из Восточного Туркестана в Илийский округ хлебопашцев-сартов, Нацов считал этнически, культурно и религиозно близкими кашгарлыкам. Говоря с ними на одном кашгарско-чагатайском наречии, таранчи отличались меньшей религиозностью и допускали исторически и культурно обусловленные отхождения от исламского канона и шариата [Там же. Л. 12–13].

Описывая кочевые народы Синьцзяна, Нацов отмечал, что киргизы на самом деле представляли собой два народа – собственно киргизов и казахов, живших схожим кочевым бытом и отличавшихся от других мусульман номинальным соблюдением шариата. Их обычай во многом формировался из доисламских традиций и верований. Киргизы употребляли алкоголь; муллы в их среде не пользовались таким авторитетом, как у дунган или кашгарлыков. По внешнему виду они отличались от оседлых тюрков более высоким ростом, крупной фигурой, физической силой. Киргизы брили голову, носили усы и бороды. Женщины в киргизском обществе находились в приниженном положении, не имели имущественных и наследственных прав, но семейная жизнь была менее строгой, чем у других мусульман [Там же].

Большое внимание Нацов уделил синьцзянским монголам (калмыкам). Объясняя культурную трансформацию некогда воинственных потомков джунгаров (торгутов, олетов и хошутов Синьцзяна), он подчеркивал, что ламаизм, поддерживаемый китайским правительством, «давно уже убил не только у синьцзянских монголов, но и вообще у всех монгольских племен... их былую неукротимую воинственность, которая была отличительной чертой их предков времен Чингиз-хана, и сделал современных монголов мирными кочевниками-скотоводами, не особенно стремящимися к улучшению своего убогого быта» [Там же]. Помимо калмыков Нацов описал и синьцзянских чахаров, потомков некогда сильного южномонгольского племени, участвовавшего в покорении Джунгарии и расселенного в долине р. Боротала. К монголам он отнес и долонов, живших на территории Маралбашинского и Уч-Туреранского уездов Кашгарского округа и в Аксуйском округе. Внешне похожие на монголов, они говорили на собственном диалекте на основе кашгарско-чагатайского наречия, а по вероисповеданию являлись мусульманами-суннитами [Там же. Л. 19].

В докладе Нацова также кратко описаны малые этнические группы Синьцзяна – таджики, маньчжуры, солоны, сибо, тангуты. Интересна составленная им таблица с этническим составом основных социальных групп провинции. Чиновничество и духовенство в ней объединены в одну группу. На долю китайцев, сосредоточивших в своих руках власть в провинции, пришлось лишь 4 %. Столько же приходится на кашгарлыков и таранчей. На долю же монголов и тангутов пришлось 27 %, что можно объяснить традиционно большим количеством лам и хуvaraков. Зато в группе коммерсантов и мелких торговцев доминируют китайцы с 30 %, а в группе «полупролетариев» (шахтеров, баграков, безземельных крестьян, пастухов) – китайцы с 41 % и таранчи с 36 %. Количество крупных и средних скотоводов у монголов и киргизов одинаково и составляет 10 %. Однако мелких скотоводов у киргизов больше (55 против 20 % у монголов), а пастухов – меньше (10 и 23 % соответственно) [Там же. Л. 20].

Этнографический нарратив Нацова сочетает подходы исследователя, претендующего на знание этнической структуры региона (доклад снабжен рукописными ссылками на научную литературу) с политическими подтекстами. Ненавязчиво акцентируя социальное самочувствие мусульманского большинства и монголов, С. А. Нацов под-

черкивал негативные черты китайцев, вызывавшие ненависть у мусульман. Контраст, безусловно, играл роль стилистического приема, вызывавшего сочувствие к синьцзянским массам у главной аудитории доклада – членов ИККИ.

Система государственного управления в провинции Синьцзян

В своем докладе С. А. Нацов уделил особое внимание политическому устройству Синьцзяна. Девятнадцатая и самая западная провинция Китая, название которой переводится с китайского как «новая граница», была образована в 1884 г. В 1920–1940-х гг. Синьцзян пользовался значительной самостоятельностью. Китай сотрясала послереволюционная смута. Часть его территорий была захвачена мятежными генералами, правившими по своим законам. Прибравший к рукам всю власть дучжун (генерал-инспектор) Ян Цзэсинь был фактическим правителем самой крупной по территории провинции Китая и вел независимую политику, активно заключая торговые соглашения с молодым Советским государством [I].

Административно Синьцзян делился на восемь округов (дао): Алтайский, Тарбагатайский, Илийский, Урумчинский, Кашгарский, Аксуйский, Карашарский и Хотанский. Округа состояли из уездов (сянь), а уезды – из волостей (тинь). В изучаемый период в состав провинции входило 47 уездов, 9 полууездов и 2 приставства [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 48. Л. 22]. Общая численность населения провинции и его этническое распределение по округам были подсчитаны по приблизительным данным генерал-инспекторства. В начале 1920-х гг. население Синьцзяна составляло 2839720 чел., из которых китайцев было 207000; кашгарлыков – 1751620; дунган – 160000; таранчей – 40000; киргизов – 309000; монголов – 231200; тангутов – 29800; маньчжуров – 50000 [Там же. Л. 24]. Остальное количество составляли представители малых этносов – солоны, сибо и т. д.

Нацов тщательно разбирает административную иерархию Синьцзяна, отмечая, что хотя формально ее структура была едина по всему Китаю, на крайнем западе имелись неофициальные отличия. Вся административная власть была сосредоточена в руках Шен-чжана (начальник провинции), которому подчинялись местные органы управления через начальников округов и уездов [II]. Канцелярия начальника провинции – Чжинвутин занималась всеми кадровыми вопросами: принимала заявления, прошения, жалобы. Специализированными отраслями заведовали департаменты: финансов (Цзай чжан тин); просвещения (Цзяо юй тин); промышленности (Шие тин); полиции (Цзин ча тин). В провинции имелся свой департамент по иностранным делам (Вай цзао шу), возглавляемый лицом, подчиненным напрямую министерству иностранных дел в Пекине. Директор департамента должен был вести работу под контролем начальника провинции в строгом соответствии с распоряжениями своего министерства [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 48. Л. 25]. В действительности же политическая раздробленность Китая 1920-х гг. вела к тому, что синьцзянские генерал-инспекторы (генерал-губернаторы, дучжун) вели самостоятельную внешнюю политику, которую затем формально одобряло слабое центральное правительство.

Власть начальника провинции осуществляли администраторы двух рангов: даоини (начальники округов) и сяньгуани (начальники уездов). Правители округов имели широкие полномочия, в т. ч. выполняли функции представителей МИД и могли через него напрямую сноситься с центральным правительством, а иногда являлись таможенными инспекторами (Чугучак, Шара-Сумэ) или представителями военной власти (Чугучак) [Там же. Л. 29]. Они контролировали начальников уездов (сяньгуаней), хотя формально те тоже отчетывались непосредственно начальнику провинции. Сяньгуани отвечали за поступление налогов и сборов от населения, выполняли директивы департаментов провинциального правительства, осуществляли контроль за торговлей и промышленностью, надзор за просвещением, контролировали полицию и суды. В некоторых местах они даже представляли военную власть [Там же. Л. 30].

Следующий уровень административной иерархии у оседлого населения Синьцзяна представляли сельские старосты (*шанья*). Формально это была выборная должность,

но в реальности все назначения осуществлялись сяньгуанями. Шанья отвечали за сбор земельных податей, разверстку натуральных повинностей, поставку рекрутов, разбор спорных ситуаций. Кроме шанья в сельской местности имелись ирригационные старшины (*туй ли*) – выборные лица, осуществлявшие распределение арычной воды, отвечавшие за содержание ирригационных сооружений и строительство новых арыков [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 48. Л. 30].

Надзор за практически не существовавшим в Синьцзяне в 1920-е гг. здравоохранением осуществлялся полицейским департаментом. Похожая структура имелаась и в дореволюционной России, где медицинский департамент был частью министерства внутренних дел. Однако в империи Романовых медики сами обладали чиновничьими функциями контроля и, если необходимо, принуждения к соблюдению санитарных предписаний. В Синьцзяне же полиция в прямом смысле надзирала за редкими в то время европейскими врачами, ограничивая чрезмерную на ее взгляд популярность в народе советских медицинских учреждений репрессивными мерами – запретами на их посещение, полицейскими кордонами и арестами нарушителей режима [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 366. Л. 8].

Кочевое население провинции управлялось собственными родовыми князьями или вождями, политический вес и статус которых зависел от личной репутации, богатства, численности подвластного населения, его боеспособности. Некоторые князья назначались центральным правительством с представления синьцзянского руководства [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 48. Л. 30–31].

В целом Нацов считал, что синьцзянская система управления только внешне повторяла административную структуру Китая. При формальной подчиненности центру исполнялись лишь те из многочисленных решений и предписаний Пекина, которые не противоречили установившемуся в провинции диктату начальника провинции. Многие департаменты существовали в качестве декорации. «Несмотря на обилие отделов, департамент промышленности ... исполняет крайне малое количество дел ввиду чрезвычайно малого развития промышленности в стране, – писал Нацов. – Департамент образования также является почти синекурой. Отдел судебный, при отсутствии вообще судебных органов в провинции, не имеет совершенно никакой деятельности...» Все назначения на официальные посты «...есть дело случая и ловкости рук ищущего той или иной должности» [Там же. Л. 31]. «Ловкость рук» в синьцзянском контексте означала покупку должностей. В среднем взятка за крупное назначение составляла от 80 до 100 тыс. руб. золотом. Губернатор или командующий войсками, не получая большого вознаграждения, имел огромные возможности для грабежа подвластного населения, обогащения посредством воровства и спекуляции, монополизации в собственных руках доходных промыслов. По словам Нацова, крупный чиновник синьцзянской администрации «старается высосать все что может, из несчастного, забитого и задушенного населения». «...Они не довольствуются определенными поборами с населения, стремятся к наживе всевозможными способами: в голодные годы спекулируют запасами хлеба ... и ведут, несмотря на запрещение закона, торговлю через своих подставных лиц, – подчеркивал он. – Сверх того, еще занимаются различными доходными промыслами: откупают постоялые дворы и трактиры, гонят водку и создают кабаки, торгуют опиумом, держат цирюльни и занимаются извозом» [Там же. Л. 42]. В качестве примера беззастенчивого воровства Нацов приводил проделанную бывшим Кульджинским уездным начальником Лю Чин Саном «операцию» по присвоению 36 тыс. пудов зерна из подведомственных ему казенных хлебохранилищ, которые он попросту отвез себе домой накануне ухода с должности. «А сколько таких Лю Чин Санов сидит на шее населения? – задавался он вопросом и резюмировал: – Когда лично убеждаешься в действительности таких циничных обирательств населения, то причина недовольства последних китайским владычеством становится яснее ясного» [Там же. Л. 43]. По оценке Нацова, система государственного управления Синьцзяна превратила «туземную часть населения» в типичных средневековых рабов.

Заключительная часть доклада С. А. Нацова

Значительная часть доклада посвящена «народному хозяйству» и промышленности Синьцзяна. Формат статьи не позволяет углубиться в этот сегмент исследования, но к основному выводу автор подводит аудиторию, последовательно отмечая слабость синьцзянской экономики и бывшее засилье в ней товаров русской промышленности. В 1913 г. общий торговый оборот составил 24136000 руб. Основными воротами русского экспорта был город Чугучак, где размещалось русское консульство. Кульджа и Кашгар занимали второе и третье места с примерно 4000000 руб. оборота каждый [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 48. Л. 47]. Из России в огромных количествах ввозилась мануфактура (160000 пудов), зерно (61000 пудов), сахар и сладости (78000 пудов), железо и чугун (60000 пудов), керосин (24000 пудов) и т. д. Основной статьей синьцзянского экспорта был скот (на 2783000 руб. в 1913 г.), шерсть (342000 пудов), хлопок (238000 пудов), хлопчатобумажные ткани, ковры, сухофрукты [Там же. Л. 48].

Прекращение экономических отношений с Россией из-за революционных событий вызвало в Синьцзяне полномасштабный экономический кризис. Многие фирмы разорились. Покупательская способность населения упала до минимума. Однако очень быстро торговцы с восточного побережья и иностранные компании, воспользовавшись низкими ценами на сырье и его огромным количеством, заместили собой русских промышленников, завалив Синьцзян китайским и японским ширпотребом. Такие же товары, как железо, скобяные изделия, эмалированная посуда, керосин, оставались на момент миссии Нацова в дефиците. Скот и продукты животноводства по-прежнему оставались в провинции, так как перегонять их за 3 тыс. верст на восток Китая было невыгодно. «Дальнейшее развитие [экономической жизни] в первую очередь в области ликвидации замечаемого кризиса, – резюмировал Нацов свой экономический обзор, – безусловно, зависит от будущих торговых перспектив с СССР, ибо оно диктуется как географическими, так и политическими условиями жизни самой страны» [Там же. Л. 49–50].

Особый же интерес вызывает часть доклада под названием «Национальный вопрос». Собственно, вся миссия Нацова состояла в изучении революционного потенциала не китайских народов Синьцзяна, а исторические, этнографические и экономические справки в докладе фиксировали и доносили до аудитории предпосылки к антикитайскому восстанию.

У мусульман С. А. Нацов выделял лишь «Шарг» (Восток) – сложившуюся в 1903 г. в Джаркенте (Семиречье) подпольную организацию, к моменту миссии состоявшую примерно из 200 членов. Изначально она называлась Обществом просвещения мусульманских масс и действительно являлась либеральной просветительской организацией, выступавшей за введение в школах джадиды (методики преподавания без религиозной схоластики), создание библиотек и кружков просвещения среди мусульман, противостоявшей эксплуататорским тенденциям местной мусульманской буржуазии. Общество просвещения мусульманских масс распространяло свое влияние в основном на российских мусульман Семиречья и на синьцзянские города Кульджа и Кашгар. В 1907 г. русская жандармерия разгромила организацию, многие члены которой бежали в Синьцзян.

В 1916 г. общество возродилось в Кульдже уже под националистическими лозунгами, основным из которых было создание из российской и китайской частей Туркестана единого мусульманского государства. В том же году организация косвенно руководила киргизским восстанием против мобилизации кочевников на тыловые работы. После поражения инсургентов в Казахстане и Киргизии вся деятельность была перенесена в Западный Китай, где ее членами было поднято два неудачных восстания (в г. Кучар в 1918 г. и в Курэ в 1921 г.). Из прибывших на территорию советского Туркестана эмигрантов отделением Совета интернациональной пропаганды на Востоке и Туркбюро Коминтерна в 1920 г. был организован Союз китайско-подданных трудящихся, в который вошло около 80 ячеек, объединивших до 12 тыс. чел. В 1921 г. в Ташкенте состоялся первый (и последний) съезд, на котором этот союз был переименован в революционный союз алтышарско-джунгарских рабочих «Уйгур», вскоре распущенный. Однако

в 1923–1924 гг. именно эта организация продолжала претендовать на руководство национально-освободительным движением синьцзянских мусульман [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 48. Л. 51–52].

Социальную базу организации Нацов характеризовал как мелкобуржуазную. Ее костяк формировали мелкие и средние торговцы и ремесленники, а также муллы-прогрессисты, выступавшие против засилья клерикалов, но одновременно придававшие всему движению панисламистскую идеологическую составляющую. Из-за своего строгого подпольного положения организация не была особенно популярна у политически инертного населения. Однако Нацов резюмировал, что внутри Синьцзяна зрело такое социальное недовольство, что «малейший клич этой организации об антикитайском движении, без сомнения, найдет себе живейший отклик в толщах массы населения» [Там же. Л. 52].

Более агрессивной по отношению к китайской власти повесткой отличались подпольные организации монголов Синьцзяна. В отличие от «Шарга», ими руководила автономистски настроенная монгольская аристократия, желавшая отделения от Китая и создания федеративного монгольского государства. К 1923 г. ими было поднято три антикитайских восстания: в 1912 г. на р. Текес восстали илийские монголы под руководством Сумея-бэйсэ; в 1914 г. там же произошло еще одно неудачное выступление, после которого шесть монголов были расстреляны как зачинщики; в 1921 г. восстание разразилось в г. Гучен. Тем не менее подготовительная работа к всеобщему восстанию монголов продолжалась через закупки оружия и боеприпасов, а также постоянные попытки заручиться военной поддержкой Монголии [Там же. Л. 52–53]. Таким образом, политически монголы Синьцзяна были более радикальными, чем мусульмане, но их малое количество, этнические и особенно религиозные различия, а также отсутствие поддержки со стороны Монголии обрекали антикитайские выступления на неудачу.

Завершающая часть доклада Нацова содержала экономические, социальные и политические предпосылки к масштабному выступлению народов Синьцзяна против китайского господства.

Заключение

Изученный нами документ представляет собой обширную преамбулу к главному предложению С. А. Нацова – созыву очередного съезда нелегальных политических сил Синьцзяна для выработки единой платформы и стратегии революционной борьбы. Как мы знаем из истории, его так и не удалось созвать, а политическая позиция СССР в отношении провинции весь межвоенный период оставалась амбивалентной. С одной стороны, Советский Союз принимал на своей территории беглых инсургентов и политических активистов, включая даже мятежного дунганского генерала Ма Чжуньина, главного действующего лица кровавого мятежа 1931–1934 гг. С другой – переодетые в напоминающую белогвардейскую форму войска ОГПУ («алтайцы»), поддержанные авиацией и бронетехникой, раздавили и уничтожили армию мусульман, вынудив Ма Чжуньина интернироваться в СССР. Советское руководство желало сохранить Синьцзян как часть Китая, так как через его территорию шла советская военная помощь Гоминьдану.

Существует и вторая часть доклада, хорошо иллюстрирующая разведывательную суть миссии Нацова в Синьцзян. В ней содержится подробное описание вооруженных сил провинции, вплоть до расположения, качества и содержимого пороховых погребов. Эта часть заслуживает отдельной статьи, так как по значению и по объему превосходит все другие информационные сегменты.

Синьцзян начала 1920-х гг. в материалах С. А. Нацова выглядит не только отсталой в социальном и культурном плане территорией, но и идеальным местом для раздувания революционного пожара, над чем в Азии кропотливо работал Коминтерн. Однако советское руководство пошло иным путем, создав в Западном Китае не независимое государство Восточный Туркестан, а свой протекторат, сыгравший ключевую роль в азиатском векторе советской геополитики в 1930–1940-е гг.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» № 121031000243-5.

Примечание

I. Должность дучзюна (генерал-инспектора или генерал-губернатора) в XX в. занимали Ян Цзэсинь, выделившийся в ходе подавления мусульманского восстания 1912 г., и свергнувший его в 1928 г. Цзинь Шужэнь. В 1933 г. Цзинь Шужэнь сместил очередной узурпатор – маньчжур Шэн Шицай, возродивший должность военного губернатора (дубань) и правивший Синьцзяном до 1949 г. Именно при нем советско-синьцзянские отношения достигли своего пика. Он же являлся инициатором «выдавливания» советских учреждений из провинции в период Второй мировой войны.

II. По-видимому, в докладе С. А. Нацова должность шен-чжана (начальника провинции) была взята из административной системы Китая, а в Синьцзяне этим начальником являлся дучзюн (генерал-инспектор).

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): ф. 514 «Коммунистическая партия Китая», оп. 1, д. 48.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): ф. А-482 «Министерство здравоохранения РСФСР», оп. 35.

Петров В. И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания / В. И. Петров. – М.: Крафт+, 2003. – 528 с.

References

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI): f. 514 «Kommunisticheskaja partiya Kitaja», op. 1, d. 48.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. A-482 «Ministerstvo zdravooohraneniya RSFSR», op. 35.

Petrov V. I. Myatezhnoe «serdce» Azii: Sin'czyan: kratkaya istoriya narodnyh dvizhenij i vospominaniya / V. I. Petrov. – M.: Kraft+, 2003. – 528 s.